

Автобиография
Дневники

Всё!
СНАЧАЛА!

Светлана
Сурганова

Автобиография-бестселлер

Светлана Сурганова

Всё сначала!

«ЭКСМО»

2020

Сурганова С.

Всё сначала! / С. Сурганова — «Эксмо»,
2020 — (Автобиография-бестселлер)

ISBN 978-5-04-111025-3

Светлана Сурганова — одна из самых удивительных певиц на нашей сцене. Её голос завораживает, её улыбка всегда вызывает ответную, её мужество восхищает даже видавших виды. Её жизнь — всегда вопреки: самой себе, обстоятельствам, смертельной болезни, чужим взглядам и современным форматам. Первая официальная автобиография Светланы Сургановой — не просто собрание фактов. Это история из первых рук, заново прожитая в каждом мгновении. Здесь есть воспоминания из прошлого и планы на будущее, поражающие подробности и семейные фотографии, искренний взгляд на саму себя и правда о том, что происходило вокруг. И самое главное — здесь впервые опубликованы личные дневники артистки, которые она ведёт более 30 лет. В ваших руках — не просто книга. В ней — целая жизнь: от маленькой Светы, трёхлетней детдомовской девочки, до Светланы Сургановой, всенародно любимого артиста, который ежедневно доказывает своим примером, что настоящее всё ещё в цене.

ISBN 978-5-04-111025-3

© Сурганова С., 2020
© Эксмо, 2020

Содержание

Предисловие	6
Сказка	7
Глава первая. Родители	8
Конец ознакомительного фрагмента.	20

Светлана Сурганова Всё сначала!

Света Сурганова – чудесный мастер и на личном успешном поприще, и везде, где ее душа требует высказаться: через музыку, через Слово – и умом, и сердцем она тронула и восхитила! Спасибо!

Вениамин Смехов. 21.01.20

Светлана Сурганова – уникальное явление на нашей сцене. Не только потому что она пишет изумительную музыку и чудесные по глубине и смыслу тексты, а потому что в Свете есть... свет. Вот ведь поразительное совпадение имени и внутреннего содержания человека!

Юлия Меньшова

Светлана Сурганова для меня – воплощение неформатности. В лучшем смысле этого слова. Она существует вне удобных штампов, вне всего того, что ненавижу и на сцене, и в жизни. И она собирает огромные залы ее преданных слушателей. Надеюсь, теперь им предстоит стать ее преданными читателями. Я – уж точно один из них!

Юрий Стоянов

Для меня Сурганова – островок культуры в океане суррогата и незамысловатых сочетаний мотивчиков и текстовочек, мишуры и всякой карнавальная чепухи, через которую с кровью приходится продираться к своему слушателю тем немногим, кто ещё способен к творчеству. К этим немногим я причисляю Светлану. Да ей и имя досталось знаковое – Света, Свет! И для меня свет Сургановой – это тот самый свет в окошке, о котором писала Цветаева. И Сурганова несет этот свет и тепло в наш остывающий мир.

Ольга Кормухина

Наверное, среди читателей этой книги найдётся тот, у кого есть диски Светланы, кто знает наизусть её песни, но ни разу не был на концерте. Так вот, если увидите в вашем городе афиши Светланы Сургановой, отложите все дела и бегите на концерт! Вы уйдёте с её выступления с тем чувством, к которому потом захочется возвращаться, чтобы испытать неповторимые эмоции ещё и ещё...

Эдмунд Шклярский

Предисловие

«Что останется после меня?» – эта строчка из любимой песни на стихи И. А. Бродского и одновременно вопрос, который часто, особенно в последнее время, я себе задаю.

Если задуматься, ведь ты – это миф, то, что ты рассказал о себе, или то, что рассказали о тебе другие. Рассказали, запомнили, записали.

Описывая предметы, события, чувства, людей, мы подтверждаем их существование. Подтверждаем собственное существование в своих дневниках. Дневниковые записи, как и фотографии, запечатлевают события твоей жизни. Перечитывая их, ты как будто просматриваешь фотоальбом. Иногда требуется эмоциональное усилие, чтобы не побояться встретиться с самим собой 20–30-летней выдержки.

Это книга – калейдоскоп воспоминаний, в сочетании с подлинными дневниковыми записями, где охвачен период взросления, формирования личности. Временной диапазон событий, о которых идет речь в книге, включает историю семьи Сургановых/Чебурахиных до зарождения коллектива «Сурганова и Оркестр»; Строгой хронологии в книге нет. Это действительно калейдоскоп, в большей степени моя реакция на происходившие события.

Нельзя объять необъятное. Это мой первый опыт, и мне было бы сложно сделать все в одиночку. Я благодарю Ирину Кошелеву за подготовку и сбор материалов для этой книги.

Сказка

Где-то далеко очень высоко в Космосе родилась маленькая девочка от большого взаимного чувства Короля и Королевы. Дети, которые рождены в любви, всегда особенные – они красивы, умны, доверяют миру, и обмануть их непросто, так как они легко отличают ложь от истины.

Сам Создатель и вся Вселенная ждут рождения таких детей, потому что именно они становятся проводниками Добра и Света на земле.

Именно им выпадает и много испытаний.

Нашей девочке при рождении щедро отмерили талантов, доброты, мудрости и душевных сил, чтобы нести все это людям.

Она получила оберег – Кристалл чистой энергии, которая поможет ей выстоять в любой непростой ситуации. Назвали ее Светланой.

Но, как известно, силы зла противятся промыслу Создателя, поэтому в историю вмешались космические пираты, и родители потеряли свою принцессу...

К счастью, одна добрая женщина, которая растила хлеб на Земле, нашла нашу принцессу, приняв ее за обычную девочку, и назвала своей дочкой. Стали они жить-поживать да добра наживать!

Глава первая. Родители

Давным-давно...

Свердловск. Зимний рассвет. Незадавшийся ночной мороз и оттепель накануне превратили утрамбованный наст на булыжной мостовой в рыхлую кашу, затрудняя ход розвальней на конной тяге. Натужно скрипя полозьями, сани то и дело спотыкались на оттаявших каменных проплешинах. Гнедая кобыла оседала, всхрапывала, продолжая упрямо дергать оглобли. С каждым рывком укутанная в тулуп роженица вскрикивала: «Ой, сейчас рожу, ой, сейчас рожу». Дед-возница хмыкал в окладистую бороду, причмокивал лошади и заботливо подтыкал овчину с подветренной стороны: «Потерпи, милая, полверсты всего». Дорога до роддома, что на перекрестке улиц Розы Люксембург и Декабристов, казалась вечностью, хотя заняла от силы пятнадцать минут.

Роды были тяжелые. Послед прирос и не выходил, пришлось отрывать его вручную. Больно, травматично, но куда деваться-то?! Роженица Зоя терпела и думала только об одном: как можно быстрее встать на ноги ради новорожденной дочки. Девочка Лия, моя будущая мама – Сурганова Лия Давидовна, родилась ранним утром 28 января 1935 года.

Ее родители, Зоя Михайловна Сурганова и Давид Васильевич Чебурахин, мои бабушка и дедушка, соответственно, первые несколько лет жили в гражданском браке. К моменту рождения дочери у них уже был трехлетний сын. Леню записали на фамилию отца, а Лию зарегистрировали по матери, поскольку Давид Васильевич в это время находился на военных сборах во Владивостоке. Вот и получилось, что мужская половина семьи была Чебурахины, а женская – Сургановы.

У Давида Васильевича была далеко непростая, но очень интересная судьба. Родился он в 1905 году на Украине, в селе Темрюк Никольского района Донецкой области. Младший ребенок в зажиточной семье, настолько поздний, что дети брата были старше него. Последышу не находилось места в тесной многонаселенной хате. Ему часто приходилось ночевать в хлеву среди домашнего скота. Он вспоминал, как зарывался в солому, засыпал там, убаюканный мирным сопением коров и запахом молока.

После революции, как и многих, семью Давида Васильевича раскулачили. Пятнадцатилетним мальчишкой, окончив восьмилетку, он пешком ушел в Одессу. Очень хотел учиться, мечтал посвятить свою жизнь сельскому хозяйству. С тех пор потерял все связи со своей семьей во многом из-за старшего брата, которого всегда недолюбливал.

Как любой портовый город, Одесса была наводнена иностранцами, особенно греками-рыбаками. Они подкармливали щуплого студента, а он писал за них сочинения – для получения разрешения на промысел требовалось знание русского языка. Перебиваясь подсобной работой, окончил аграрный техникум и ремесленные курсы.

В конце 20-х годов прошлого века началось массовое плановое сельскохозяйственное переселение на восток страны с целью освоения многоземельных районов Сибири и Урала. Грянула коллективизация, и образованные аграрии были очень нужны в крестьянских хозяйствах. Вместе с этой волной Давид Васильевич оказался в одном из колхозов Свердловской области на должности агронома, где по фельдшерской части уже работала Зоя Михайловна, его будущая жена – девушка статная, красивая, исполненная аристократического достоинства.

Жизненный путь Зои Михайловны тоже не был усеян розами. Она родилась 25 декабря 1906 года в состоятельной семье уральских промышленников Сургановых. После Великой Октябрьской революции имущество реквизировали, а семья была признана «неблагонадеж-

ной». Ее глава, Михаил Николаевич, мой прадед, одним только своим зажиточным происхождением провинился перед советской властью, вследствие чего был объявлен лишенцем – человеком без права избирательного голоса, получения высшего образования и занятия управленческих должностей. Он работал сторожем на том заводе, которым некогда владела его семья.

Жена его Мария Петровна несколько месяцев находилась под следствием. Когда ее арестовали, восемнадцатилетняя дочь Зоя собрала все семейные драгоценности и «выкупила» свою мать у НКВД. Михаил Николаевич в период ухаживания баловал невесту, желая расположить ее к себе, преподносил ей много подарков. Завязав украшения в платок узелком, Зоя пошла в НКВД, добилась свидания с матерью. Марию Петровну уже почти сломали постоянными пытками на оговор себя во вредительстве: кормили соленой пищей, не давали пить и не разрешали спать. Зоя Михайловна была не робкого десятка. Не побоявшись обвинения в пособничестве врагам народа, отважилась на «выкуп» матери из-под следствия. Она села перед следователем и на его ухмылку молча развернула узелок. Куда ему было деваться перед таким выбором: либо брать «взятку» и неплохо нажиться, либо ее тоже сажать? Он оказался «честным мздоимцем» – условия договора выполнил. До обвинения дело так и не дошло, следствие свернули и Марию Петровну отпустили.

То, как Зоя Михайловна вызволила свою мать из НКВД, впоследствии стало семейной легендой, обрастая все новыми и новыми подробностями. Неоспоримо одно – чтобы отважиться на такой поступок, требовались недюженное самообладание и мужество. Зоя Михайловна была волевой и целеустремленной натурой, настоящим стойком. Несмотря на доброту, в ней был нестигаемый стержень, видный как своим, так и посторонним. Она мечтала стать доктором. Однако на детей лишенцев был наложен негласный запрет обучения в вузах. Ее долго не принимали в институт под разными предлогами. После того как ее старшая сестра Антонина умерла от туберкулеза, ее решение стать врачом, врачом-фтизиатром, только окрепло. Она добилась своего – поступила на медицинское отделение Пермского университета и спустя несколько лет с блеском его окончила. После выпуска сразу отправилась работать в колхоз и встретила там будущего мужа Давида.

Жить было негде. В общежитии механизаторов им простынкой отделили угол, там и ютились сначала вдвоем, потом с детьми. Родители Зои Михайловны зятя не любили. Теща, а она была женщина суровая, иначе как «голодранцем» его не называла: гол, как сокол, без гроша в кармане, ни кола, ни двора, ни имущества, ничего. Они все ждали, когда же дочь одумается и бросит своего незавидного избранника, тем более, – ухажеров хватало. Но та оставалась верной мужу и следовала за ним повсюду.

Зоя Михайловна никогда не жила чужим умом, не боялась трудностей и была не зависима от общественного мнения. Досужие толки ее не ранили, она просто не обращала на них внимания. Говорят – ну, и пусть говорят: «На чужой роток не накинешь платок». Что подумают, как посмотрят, что скажут, ее не интересовало: ни когда в коридорах университета многозначительно оглядывались на дочку лишенца; ни когда за спиной перешептывались зеваки, видя, как они с Давидом Васильевичем пришли расписываться, держа за руку подростков.

Семья переезжает в Красноуфимск, где Давиду Васильевичу предложили преподавательское место в сельскохозяйственном техникуме. А вскоре перспективному педагогу пришло приглашение в аспирантуру Ленинградского сельскохозяйственного института. Он заочно сдал экзамены, и семья перебралась в город на Неве. Провожая Давида Васильевича, благодарные студенты подарили ему на память вырезанную из дерева скульптуру быка и коровы. Потрясающе тонкая ручная работа! Она пережила войну, блокаду, несколько переездов и смену поколений. Ее неоднократно пытались купить, выменять и даже украсть. Но она до сих пор хранится в нашем доме – настоящая семейная реликвия.

В Ленинград сначала переехали Давид Васильевич, Зоя Михайловна и старший сын Ленья. Пока обустривались, младшенькую Лию было решено оставить в Свердловске с бабушкой и бабушкой. Лию в трехлетнем возрасте в Ленинград привезла младшая сестра Зои Михайловны, Анфия Михайловна. Увидев трамваи в первый раз, Лиечка закричала на всю улицу: «Ой, какие маленькие красные паровозики!» Перед тем как показаться на глаза родителям, они отправились в общественную баню в переулке Ильича. Тетя намылила племянницу и усадила на скамейку, пошла воды набрать. Лиечка благополучно съехала на пол – скамейка-то каменная, скользкая! И каталась по полу среди шаяк, весело хохоча, собирая пену. ☺

Не успела семья воссоединиться, как в ноябре 1939 года Давида Васильевича призвали на войну, Советско-финскую кампанию. Тем временем у Зои Михайловны умерла мама, и она перевезла к себе отца. Но ему не суждено было надолго пережить жену. Он угас спустя несколько месяцев. Семья жила в общежитской комнатухе на Загородном проспекте, 42, во дворе знаменитого Дома Петровых. Посередине комнаты стоял большой стол красного дерева под белой накрахмаленной скатертью, а в его центре – маленькая хрустальная солоночка. Когда в блокаду стол рубили на дрова, Лиечка спрятала ее и уберегла. Солонка и сейчас украшает каждое наше застолье – скромный свидетель предвоенного быта семьи.

Давид Васильевич вернулся домой, комиссованный по тяжелому ранению – ему удалили две трети желудка. Восстановился в аспирантуре и для сельхозпрактики получил опытные участки в Каменке. Жил в пригороде, писал диссертацию. Так порознь их и застала Великая Отечественная война. С началом поспешной эвакуации, когда фашистские войска еще не сомкнули кольцо вокруг Ленинграда, Зою Михайловну с детьми предлагали вывезти в тыл, но она отказывалась. Не хотела трогаться с места, пока от Давида Васильевича не было никаких известий. Когда к ней раз за разом приходили эвакуационные бригады, уговаривая подумать о детях, категорично заявляла: «Без мужа никуда не поеду». А Давид Васильевич во всеобщей неразберихе не мог пробиться к своим. Когда он, наконец, добрался до города, последние эвакуационные эшелоны уже ушли. Так семья на все девятьсот страшных дней осталась в блокадном Ленинграде.

Давид Васильевич не подлежал призыву по состоянию здоровья. И как он ни просился добровольцем, партийный комитет не отпустил его воевать, оставив для защиты диссертации, поскольку, в связи с продовольственным дефицитом, подготовка квалифицированных сельскохозяйственных кадров имела стратегическое значение для страны. Зоя Михайловна, будучи врачом, и, соответственно, военнообязанной, была мобилизована с первых дней в звании майора медицинской службы, но на фронт ее не отправили из-за наличия маленьких детей. Лиечке на тот момент было шесть с половиной, Леньке – почти десять. Всю войну Зоя Михайловна проработала фтизиатром-рентгенологом в железнодорожной поликлинике на улице Боровой, 55, куда ходила пешком по Звенигородской. Для блокадного Ленинграда ее специализация оказалась крайне актуальной. Истощенные, изможденные голодом и холодом жители города были подвержены заболеваемости туберкулезом, практически каждый второй больной обращался с запущенной стадией. Зоя Михайловна многих спасла от преждевременной смерти. В знак признательности благодарные пациенты приносили ей продукты, что для голодного города было немыслимой щедростью.

Тогда Дорогу жизни еще не открыли, и в отрезанном от снабжения Ленинграде не осталось продовольствия. Когда горели знаменитые Бадаевские склады и по земле лавой тек расплавленный пожаром сахар, ленинградцы со всех районов города шли на Киевскую улицу за тем, чтобы раздобыть хоть кусочек земли, пропитанной сиропом. В народе ее называли «сладкая земля». Заливали водой, кипятили, готовый отвар процеживали и пили, а иногда просто комочками клали в рот и сосали. На «голодных рынках» того времени появился так называемый «Бадаевский продукт» – расфасованная в газетные кулечки «сладкая земля», которую продавали втридорога или выменивали на золото наравне с другим провиантом. В пищу

шли самые невероятные вещи: ремни, кожаная обувь, клей, аптечный рыбий жир. Не осталось никакой живности: собак, кошек и птиц переловили. Люди охотились на крыс, поедали траву, листья, кору деревьев.

В начале блокады Давид Васильевич учился в аспирантуре, поэтому получал иждивенческую карточку наравне с Леней и Лией. Зое Михайловне хоть и выдавали офицерский паек, но сильно урезанный, по причине того, что она не числилась в действующей армии. Врачи были на вес золота, их не хватало. Она брала дополнительные смены, пропадала на работе сутками, пока не слегла.

Однажды ее бывший пациент заглянул в поликлинику, повидаться, а там ему сообщили, что Зоя Михайловна больше недели не появлялась на работе. Обеспокоенный, он взял адрес, пришел на квартиру и застал безрадостную картину: Давид Васильевич весь распух от осмотических голодных отеков и еле-еле передвигался, Зоя Михайловна уже несколько дней не вставала, только дети еще кое-как держались за счет того, что родители отдавали им свой хлеб. Гость достал из кармана комочков слипшихся, грязных, в крошках табака и песке конфет-подушечек. Оставив гостинец, он ушел, а через несколько дней вернулся с лоскутом лошадиной шкуры и куском конины. Жаль история не сохранила имени благодетеля!

Так благодаря помощи совершенно постороннего человека семья продержалась несколько месяцев, выжила в самую лютую блокадную зиму 1941 года. Шкуру разделили впрок. Длительное время вываривали, получая какой-никакой суп. Лиечка с Ленькой вылавливали ее из бульона, нарезали тоненькими полосками, накручивая на вилку, жарили в печке и грызли. Потом ходили чумазы, как трубочисты.

А кусок конины Зоя Михайловна завернула Давиду Васильевичу с собой в дорогу. Он не мог больше смотреть, как семья голодает, и, оставив им свои карточки, отправился пешком, в буквальном смысле куда глаза глядят, на поиски работы и прокорма. Уходя, сказал: «Если найду работу – напишу, а если нет – считайте меня коммунистом». Дошел до совхоза «Выборгский». В здании правления за столом сидели парторг, мордатый такой мужик, и директор совхоза. Давид Васильевич рассказал им свой послужной список с одной только просьбой – дать ему работу по специальности. Парторг рассмеялся и сказал директору: «Даже не вздумай его брать. Это же смертник! Он отсюда выйдет, три шага сделает и замертво упадет». Давид Васильевич даже много лет спустя не мог спокойно рассказывать о том разговоре, хотя по натуре был человек уравновешенный. Хотел тогда просто встать и уйти, но вспомнив глаза провожавших его жены и детей, поборол свою гордость.

Директор совхоза оказался человеком понимающим и, несмотря на слова парторга, взял Давида Васильевича начальником участка «Жерновка», что в районе Ржевки-Пороховых. Через полгода он умудрился с оказией передать семье полмешка овса. На нем начали по-настоящему «пировать»! Его и парили, и жарили, и лушили! А на лето Давид Васильевич детей забирал в совхоз, где перебивались на подножном корму.

В 1943 году, уже после прорыва блокады 18 января, Давида Васильевича назначили председателем совхоза «Ручьи». Катастрофически не хватало рабочих рук, и на примере собственных детей он придумал выход – привлекать к работам в летний период школьников. С этой идеей обратился за помощью к Марии Федоровне Рыбинской, директору школы № 146, где учился Леня. Ребятишки сколачивались в бригады и трудились летом на полях совхоза. В основном им поручали работы, не требующие больших физических усилий: прополку морковки, свеклы, репы, турнепса, кормление птиц. В качестве поощрения раз в день выдавали целый стакан молока и дополнительный кусочек хлеба. А зимой тем же составом ребята работали в госпиталях.

Осенью 1943 года в первый класс пошла Лиечка. Но не в ту школу, где учился брат, а в 322-ю на Бородинской улице. Тогда вновь было введено раздельное обучение: с одной стороны Бородинки находилась мужская школа, напротив через дорогу – женская. Она была совсем

рядом с их домом на Загородном проспекте, но и это расстояние в тех условиях еще надо было преодолеть. Однажды бомбежка застала стайку ребятишек прямо на пороге школы. В их числе была моя мама. На ее левой ноге навсегда остался шрам от осколка – как напоминанием о том дне. Зоя Михайловна сама обработала рану: почистила, зашила, перевязала. Лиечка даже не пикнула. Тогда как Давиду Васильевичу, державшему дочь, от увиденного стало плохо, и он брякнулся на пол, потеряв сознание.

Лия, вообще, росла не капризной. В войну дети быстро привыкали быть терпеливыми. Ближайшее бомбоубежище располагалось в подвале соседнего двора. Днем ли, ночью, когда надо было туда спускаться, молча вставала, одной рукой брала свою единственную уцелевшую тряпичную куклу, другой – мамину ладонь и шла. И так почти три года... Но вот по сей день не может выносить шума работающей бормашины и пылесоса, потому что эти звуки напоминают ей свист падающих бомб.

Истории мамы и бабушки о войне, о блокадном быте – одни из самых ярких впечатлений моих детских лет. Им было что мне рассказать! Как проходили их дни. Как часами выстаивали на морозе в очереди за хлебом, который хлебом-то сложно назвать, потому что это была зеленоватого цвета склизкая масса – смесь опилок, травы и жмыха с грубопомольной мукой. Канализация не работала, отопления не было, водоснабжения и электричества тоже. Жили при лучине. Лампой служила керосинка, но разжигали ее нечасто. Она сильно чадила, да и керосин приходилось экономить. Печь заменяла буржуйка, которую растапливали паркетом и книгами. За водой ходили на Фонтанку, к 21-му дому, где и сейчас находится спуск с набережной. Это рядом с Аничковым мостом. Именно там зимой находилась прорубь. Сегодня я преодолеваю за десять-пятнадцать минут то расстояние, на которое мама и бабушка в своих походах за водой тратили полдня. И у меня сжимается сердце, когда я представляю, как они, голодные, обессиленные, коченея от стужи, брели по темным, изрытым бомбами улицам, с обледелыми ведрами в руках, провожая глазами встречные саночки с замерзшими трупами.

Мама до сих пор не может читать книги и смотреть фильмы о блокаде. Всему написанному и снятому на эту тему она и ее семья были живыми свидетелями. Детское сознание навсегда запечатлело картину, как между их подворотней и гастрономом на углу со Звенигородской улицей стоял мужчина и жадно вгрызался в кусок сырого мяса, впервые за долгие месяцы заведенного в магазин. Сок и кровь вперемешку со слюной текли по его подбородку. А он рычал и плакал одновременно.

Нет ничего удивительного в том, что некоторые люди теряли достоинство и человеческий облик. Встречались и такие, кто жировал на чужой беде. Процветало мародерство. В блокаду вымирали целыми семьями. Жилье со всем добром пустовало. Случалось, что дворники и соседи разоряли квартиры умерших и ушедших на фронт. Всякое бывало... Зоя Михайловна рассказывала, как однажды у нее на глазах посреди улицы упал мужчина – потерял сознание, так к нему подбежал прохожий и начал прямо заживо отрезать куски плоти с бедер и ягодиц. Огромному риску в этом плане подвергались дети. Обезумевшие от голода люди убивали своих и подкарауливали чужих. Мама однажды чудом спаслась от людоедки... Зоя Михайловна, уйдя на работу и оставив Лиечку одну, неожиданно вернулась домой на минутку, тем самым спугнув непрошеную гостью.

Такие рассказы не могли не впечатлить! Помню, маленькой представляла себе все это и думала: смогла бы я вытерпеть такое?! Сохранила бы порядочность и человеческий облик в столь тяжелый период? Семья Сургановых, несмотря на все ужасы блокады, достойно переносила ее тяготы. Просто делали свое дело: мама с братом учились, а вечерами дежурили на крышах вместе с другими школьниками и тушили зажигалки, спасая город от пожаров. Леня и Лия были еще совсем детьми, но рано повзрослевшими. У них перед глазами был пример их мамы – Зои Михайловны, которая работала, помогала соседям, умудрялась поддерживать чистоту и порядок в квартире и еще находила силы шутить и подбадривать.

Попадая в пограничные жизненные ситуации, я мысленно возвращаюсь к тем историям, которые слышала от родителей. Они помогают справляться с собственными испытаниями, не терять веру, «не раскисать» и не опускать руки. Я всегда хотела быть достойной этих людей. Как дочь и внучка блокадниц, знаю цену фразы «лишь бы не было войны» и понимаю – вот где действительно были трудности. На таком фоне наши проблемы – это уже не проблемы.

Я чувствую свою генетическую связь с людьми, отстоявшими и сохранившими наш прекрасный город. Никогда не подам руки тем, кто говорит сегодня, что надо было сдать Ленинград фашистам. Если следовать логике таких разговоров: надо было и Москву сдавать, как когда-то еще Наполеону, и, вообще, с Гитлером не воевать... – «пили бы тогда немецкое пиво, закусывая колбасками», и остались бы одни «чистые арийцы»! Но тоталитаризм противоестественен самой природе. Когда одна нация или раса хочет убедить других в своей избранности и пытается господствовать, уничтожая неугодных, она не только попирает человеческие законы, а идет против самого мироустройства. Не зря же природой дано такое разнообразие! Величайшая красота заключена во множестве разновидностей – это общий закон, позволяющий существовать планете.

Не останови тогда ленинградцы фашистов у стен родного города, нас бы вообще на свете не было. Как и тех, кто сегодня реконструирует неофашизм. Недаром Ленинград – первый в списке Городов-героев и единственный в мировой истории, чей девятисотдневный подвиг не знает аналогов по масштабу истребления гражданского населения, по той степени глубины лишений и страданий, по столь продолжительной осаде, закончившейся полным разгромом осаждавших!

И я горжусь, что моя семья тоже – частичка этого беспрецедентного подвига. Ведь единственный смысл, передававшийся по живой цепочке от ленинградца к ленинградцу и питавший их надежду, заключался именно в этой стойкости и суперидее: уберечь, не сдать город, отстоять его любой ценой. Поэт Илья Эренбург писал: «...Нет в мире города, который столько жизней отдал ради победы. Его история – история всей Отечественной войны: если мы вошли в Берлин, то это и потому, что немцы не вошли в Ленинград». Солдатам на фронте поднимала боевой дух одна лишь мысль, что где-то там за их спинами, в невыносимых условиях борется непокоренный город.

Удивительной закалки люди Ленинграда, огромной души! В то время взаимовыручка была как само собой разумеющееся. Если появлялась хоть малейшая возможность, люди старались помогать друг другу, городу, стране... Укрывали от вражеских налетов памятники и объекты культурного наследия; в музеях сохраняли экспозиции, в библиотеках – книги; в Эрмитаже не было сожжено ни одной картины; в зоопарке остались нетронутыми животные; в Ботаническом саду и Институте растениеводства сберегли коллекции, собранные со всего земного шара. Умирали от голода рядом с семенами, и ни у кого даже мысли не возникало съесть хоть одно зернышко!

День Победы – мой самый личный, самый важный, самый главный праздник. Праздник номер один! И то, что я испытываю 9 мая, причем с каждым годом все сильнее, сложно передать словами. Это одновременно гордость и скорбь. Стараюсь всегда помочь пожилому человеку с протянутой рукой... Обязательно оставляю деньги и спрашиваю, чем еще могу быть ему полезна. И мне стыдно за государство, не способное обеспечить достойную старость людям, отстоявшим Родину.

Хотя я сама не застала ни войны, ни блокады, ощущение того времени пронзительным эхом живет во мне. Может, поэтому так интересны и важны для меня военные песни. Я шла к записи альбома военных песен всю свою сознательную жизнь с момента, когда застыла, завожженная, у радиоточки, слушая «Журавлей» в исполнении Марка Бернеса. Мне было года четыре.

* * *

09.05.1990 г.

Сегодня царствует песня о войне. Война. Добро это или зло? Шанс раскрыть свой максимум. Но жестокий шанс. Какие песни! Разве могли бы они быть такими без нее и, вообще, быть. Абсурд?! Это стало закономерностью: чтобы полностью раскрыть себя, нужен стресс, драка, кровопролитие, нервотрепка.<>

Послевоенные годы

Сургановы-Чебурахины в первые послевоенные годы, как и многие ленинградцы, жили трудно. Мебель ушла на растопку. Разносолами не баловались, но старались не унывать – ведь уже не голодали! Гардероб имели скромный, но на фоне других семей было что надеть. Мама иногда со смехом вспоминает, как ее простенькие платья вызвали восклицания во дворе: «Ой, вы такие зажиточные – у тебя два платья и оба штапельные!» Обновки, ревностно запримеченные соседями, были результатом кропотливого труда Зои Михайловны – настоящей рукодельницы – она постоянно что-то перешивала, перекраивала, перелицовывала для всей семьи. Ни одного лоскутка не выбрасывала – все шло в дело. Вот так и прослыли богачами...

Давид Васильевич на должности директора восстанавливал совхозы ленинградской области: «Выборгский», «Ручьи»... пять в общей сложности. После войны был колоссальный упадок народного хозяйства. Сельхозугодья превратились в глиняное месиво, нашпигованное человеческими останками, искореженным железом, неразорвавшимися снарядами. Почва выгорела. Пахали вручную, сберегая единственный трактор для уборки урожая – не дай Бог, на мину наскочит. поголовья скота были истреблены или реквизированы для нужд фронта. Зерновых запасов едва хватало на одну посевную. Но сколь велика была сила духа, что даже в таких условиях на голом энтузиазме совхозы ленобласти выдавали рекордное количество молока, хлеба, картофеля! Работали сутками без выходных! Давид Васильевич поднимал до рентабельности совхоз за совхозом.

В мае 1946 года дедушке дали ордер на новую жилплощадь в доме номер 4 по улице Красной конницы. Но он не нашел времени самостоятельно съездить по адресу и посмотреть, отправил своего заместителя. А тот ошибся дверью и попал не в ту квартиру. Вместо отдельной, двухкомнатной, очутился в коммунальной по соседству – с двумя пустующими комнатами. Должен был с лестницы свернуть направо, а прошел прямо. Вот из-за этой нелепости наша семья прожила следующие пятьдесят пять лет в коммуналке. Сам Давид Васильевич был равнодушен к этому переезду. Редко появлялся в новой квартире, словно чувствовал, что не проживет в ней долго. Работа у него была тяжелая, в город он почти не приезжал, мотаясь по совхозам. Смеялся, что выполнял свой коммунистический долг. Его звали на работу в райком партии, потом в горком, но он отказывался и говорил: «Я – практик. Мне надо быть на земле». Дедушка умер в 1960 году в возрасте пятидесяти пяти лет. У него случился плоскоклеточный рак – много курил...

Леня по окончании войны был награжден медалью «За оборону Ленинграда». Немногие дети удостоивались боевых наград. Поэтому когда Леня пришел на выпускной вечер с медалью на груди, кто-то из старших зло и резко спросил:

- Чего нацепил? Где украл? – И протянул руку, чтобы сорвать награду.
- Не тронь! Тебе показать удостоверение на медаль? – ответил Леня.

Конфликт разрешился, но обида осталась. Свою медаль Леонид больше ни разу не надел...

Он серьезно занимался спортом, был чемпионом Советского Союза по плаванию среди юниоров. Во Дворце пионеров на Невском долго висел его портрет. Друзья считали Ленку везунчиком. Он был добрым, улыбчивым. Когда окончил «корабелку», его позвали в аспирантуру, но он предпочел работу в так называемом «почтовом ящике» – закрытом КБ, без адреса.

Леня женился, родился сын Сережа. А вскоре после появления наследника получил заманчивое с точки зрения карьерного роста распределение на базу ВМФ в Каспийске. Однажды по пути с работы домой он, по обыкновению, купил на берегу рыбу. Всегда брал у рыбаков свежий улов, а тут пожилая женщина продавала... Небось подняла выкинутую на берег дохлую рыбу... Леня съел эту рыбину и умер от бутулизма. Когда позднее семье переслали его вещи, Зоя Михайловна открыла чемодан – наверху лежала книга Аны Марии Матуте «Мертвые сыновья». Когда он умер, ему было только тридцать семь...

Лия Давидовна унаследовала от отца земельную жилку и решила посвятить свою жизнь выращиванию хлеба – главной для каждого блокадника святыне. В 1959 году она закончила Ленинградский сельскохозяйственный институт в Пушкине по специальности Защита растений от вредителей и болезней. На вручении дипломов присутствовали селекционеры-пшеничники, и мама сразу получила приглашение в Омский СибНИИСХоз. И это при том, что на распределении в комиссии сидел Давид Васильевич с одобренной совхозом «Ручьи» заявкой на дочь. Однако Лиечка предпочла свою трудовую карьеру начать самостоятельно, без протекций и поблажек со стороны отца.

В дальнейшие планы вмешалось замужество. Лиечке было двадцать три года. Со своим будущим супругом на тот момент она уже была знакома около десяти лет. Его звали Аркадий. Он был старше ее на восемь лет, хорош собой, горяч характером, родом из Красноуфимска, где их семьи когда-то были дружны. Он приехал в Ленинград учиться в Высшем военно-морском училище имени Фрунзе и частенько заглядывал к Сургановым. Лиечка ему нравилась всегда, и Аркадий оказывал ей знаки внимания. К моменту бракосочетания его уже списали с флота... за избиение матроса. И Лиечку все предупреждали, что характер у ее избранника норовистый, непредсказуемый. Она не послушала... Перераспределилась на работу по месту жительства мужа, и они уехали в Красноуфимск.

Ничто не предвещало беды. Лиечка вспоминала, как молодоженами они даже начали вместе строить катер. Аркадий сам его выдалбливал, смолил, а Лиечка в качестве подмастерья подавала инструменты и подносила материалы. Однако к концу первого месяца совместной жизни выяснилось, что муж жутко ревнив. Придет бывало с работы: «Где ты сегодня была, расскажи, по какой улице шла? Ага, там военное училище, и ты около него флиртовала!?» А то и на полном серьезе отпросится пораньше, бежит домой через три ступеньки по лестнице, влетает и напрямик под кровать – вдруг там любовник спрятан. Рук, к счастью, не распускал, но истерики закатывал ежедневно. А Лиечка тогда была совсем еще девочка, всегда оберегаемая мужчинами в семье – громко прикрикнуть не умела. Ее просто тихо колотило.

Так продолжалось год. Молодые жили в коммуналке. Их соседка все это безобразие видела-слышала. И когда Зоя Михайловна приехала погостить к дочери, женщина позвала ее на кухню и, не особо вдаваясь в подробности, сказала: «Увозите отсюда свою девочку. Пока не поздно». Сказано это было так, что тотчас, не мешкая, Зоя Михайловна договорилась со своей давней знакомой в Красноуфимске, чтобы Лиечка какое-то время, пока не перераспределится, пожила у нее. В советское время ведь так сразу нельзя было бросить работу. Тем же вечером перевезли вещи. А после очередной ссоры с мужем перебралась к знакомой сама.

Изредка они с Аркадием сталкивались в трамвае по дороге на работу. На людях он сцен не устраивал, но постоянно спрашивал, когда она вернется, и каждую их случайную встречу заканчивал фразой: «Ладно, подождем». Когда уладили вопрос с увольнением, Зоя Михай-

ловна забрала дочь в Ленинград. Уезжали спешно, налегке, ничего с собой не взяв. Знакомая обещала все вещи почтой прислать, но так и не прислала...

Кстати, первым поднял тревогу Леня. Он чувствовал что-то неладное и все твердил Зое Михайловне: «Поезжай, Лийке там плохо». Хорошо, что она прислушалась... Развод оформляли уже заочно. Аркадий потом еще долго писал Лие. Но не приезжал. Ленька тогда сказал сестре: «Если ты ответишь хоть на одно письмо, я тебе ноги выдерну и спички вставлю».

После незадавшегося брака нужно было все начинать сначала. Лиечка и тут проявила самостоятельность. К отцу в совхоз снова не пошла. Ну, как же, разве можно по блату? Хоть и с двухлетней отсрочкой приняла приглашение работать в Омске. Боролась с совкой зерновой – есть такой вредитель. Испытывала пестициды. Первый раз, когда в поле вышла, – конца краю не видать, вспомнила поговорку: пошел работать – забудь то, чему тебя учили в институте. На практике все совсем не так, как в теории. В учебнике написано, при какой влажности и температуре надлежит хранить зерно, как оно должно быть послойно укрыто. А зашла в сарай: брезент на голую землю постелен, сверху свалена куча зерна – мокрое, и от совки, если присмотреться, аж шевелится.

Первый свой сибирский заработок потратила, купив маме нарядную теплую кофту, Леньке – свитер, отцу – шерстяную безрукавку. А на то, чтобы отправить подарки почтой в Ленинград, денег уже не осталось. Пришлось ждать отпуска, чтобы отдать их собственноручно.

Жила в частном домике у колоритной бабки Фаины, потомственной сибирячки. Они потом еще долго переписывались. Хозяйка после Лии так никого больше и не пустила. Писала, что лучше нее постояльцев не найти, и все надеялась, что та вернется. У мамы действительно были мысли насовсем остаться – нравилась ей Сибирь. Часто вспоминала свои ежеутренние километровые забеги на подшефные участки в валенках и шубейке: морозец щиплет, ресницы индевеют, снег скрипит, дым из труб прямым столбом – красота!

Однажды чуть не попала под самолет! Не лайнер, конечно – под кукурузник. Он опылял поля, а она в сосредоточенной задумчивости прогуливалась. Видит краем глаза – летит. Ну, и пусть себе летит. А когда осознала, что находится на его траектории и он уже слишком низко для того, чтобы свернуть, дала деру по прямой – нет чтобы в сторону отскочить. Под конец упала на землю, уши руками зажала, глаза зажмурила!.. Самолет над самой головой пролетел! Летчик, приземлившись, весь раскрасневшийся, взмокший от страха, что задавил девчонку, подбежал, замахнулся на нее и... обнял: «Слава Богу, живая!» Это ж кому рассказать! Ну, под машину угодить – еще куда ни шло, под поезд, даже под катер, но чтобы под самолет! Так что по части оригинальности моей мамуле равных нет.

Однако не суждено ей было остаться в Сибири, жизнь распорядилась иначе. Пришло известие, что Давид Васильевич при смерти. Лиечка все бросила и поспешила в Ленинград. Ее уговаривали не увольняться – перевестись в аспирантуру. Но отец умирает! Ни о чем другом в ту минуту она думать не могла!

После похорон Давида Васильевича дома надолго не задержалась. Поступила в аспирантуру и уехала в Дагестан. Приступила к кандидатской диссертации на тему неполегающих сортов озимой пшеницы. Работала в трех километрах от Дербента на опытно-селекционной станции имени Ахундова. Вместе с другими аспирантами жили коммуной, а мамуля была ее казначеем. Размещались в двух деревянных бараках – в одном девушки, в другом – парни. Быт был самый простой. Кашеварили прямо на улице. Созывая на обед, били палкой в подвешенный рельс: первыми со всей округи бежали кошки, за ними – собаки и последними, нога за ногу, подтягивались аспиранты. Спозаранку уходили в поле, трудились с шести до десяти утра, после чего бегали купаться – благо, Каспийское море рядом, пережидали пик жары, лежа под мокрыми простынями на полу, и возвращались к работе с трех до семи вечера. В Дагестане не поливное земледелие – богара. Полуденное пекло еле-еле выдерживали и посевы, и люди. Пытались охладиться любым способом. Лиечка заработала себе радикулит: разгоря-

ченная вставала под ледяной душ и, в конечном итоге, застудила поясницу. Лежала на полу влужку, не могла пошевелиться. Товарищи ее за ноги, за руки переворачивали. Клади на спину разогретый кирпич или горячий песок – лечили теплом.

Однажды большой компанией решили забраться на гору Джалган, встречать восход. Насмотрелись, как местная молодежь, словно архары, лихо по ней лазает. До горы, казалось, вроде бы рукой подать, совсем рядом. Вышли ранним утром и еле-еле докарабкались к закату.

Мама рассказывала, что всему удивлялась. Никак не могла привыкнуть к местному укладу жизни: аварцы на берегу моря жили прямо в землянках, без электричества и каких-либо удобств. У них были огромные безухие волкодавы. Когда собаки не пасли скот в горах, они лежали вдоль улиц, провожая прохожих сердитым рыком. Проходя мимо, главное было не оглядываться, иначе спровоцируешь нападение. Малыши, предоставленные сами себе, целыми днями бегали по поселку, срывая немытые овощи и фрукты в огородах. На них были незащищенные посередке штанишки: сел, сделал свои маленькие и большие дела и побежал дальше.

Три года по шесть месяцев мама находилась в Дагестане, собирала материал для диссертации. Защитилась уже в Ленинграде. И вот тут начались мытарства с работой. С ее специализацией трудоустроиться в большом городе было не так просто, как на просторах земельных регионов. Поэтому Лия, не раздумывая, уехала на Украину. Работала на Мироновской селекционно-опытной станции имени Старченко под началом Василия Николаевича Ремесла.

Историческая справка: В. Н. Ремесло – знаменитый селекционер, доктор сельскохозяйственных наук, академик ВАСХНИЛ и АН СССР, автор сорока сортов разных зерновых культур, в том числе Мироновской-808, широко распространенного в мире стандарта озимой пшеницы. Ныне опытная станция является Мироновским институтом пшеницы Национальной академии аграрных наук Украины, который носит имя В. Н. Ремесла.

Мамуля подавала большие надежды и быстро продвигалась по карьерной лестнице. И снова вмешалась беда – внезапная смерть Лени. Ремесло не хотел ее отпускать, долго не подписывал заявление об уходе, лично предлагал внеочередной отпуск. Но и тут, как незадолго до этого, когда не стало Давида Васильевича, дал о себе знать Лиечкин характер: в Ленинграде мама совсем одна... Печальное событие уже не первый раз срывает ее с места работы.

Когда семья лишилась мужчин, и мама с бабушкой остались вдвоем, ни о каких разъездах по стране уже не могло быть и речи. Зоя Михайловна заявила дочери: «Я больше тебя никуда от себя не отпущу, а если ты уедешь, последую за тобой». Пришлось искать работу в Ленинграде. И в итоге оказалась в инспекции государственной комиссии по сортоиспытанию. Трудилась много и всегда добросовестно. Любую работу превращала для себя и других в приятное занятие.

Лию Давидовну, как и ее отца, влекла практика. Ленинградская область климатически считается зоной рискованного земледелия. Влажность, дожди, почва размякает, поэтому прикорневое полегание большое. Распространены болезни – мучнистая роса, спорынья, тля... Кстати, первый признак нашествия тли – когда по дорожкам вокруг поля бегают трясогузки. Борьба с разного рода вредителями – мамина специализация еще со студенческих времен. Через пять лет бумажной работы по рекомендации отцовского коллеги ей удалось попасть во Всесоюзный институт растениеводства. В сортоиспытательной госкомиссии она была начальником участка, а придя в ВИР, ей – кандидату сельскохозяйственных наук, пришлось начинать все заново, с должности лаборантки. Проработала там до самой пенсии, пройдя путь от лаборантки до старшего научного сотрудника и заведующей лабораторией отдела зерновых культур.

Для Лии Давидовны, блокадного ребенка, испытания военных лет не прошли бесследно. Организм в юном возрасте пережил изменения, которые не позволили впоследствии иметь детей. К тридцати годам Лия задумалась о приемном ребенке. Но, чтобы решиться на столь

ответственный и непростой шаг, подарить дом и родительскую любовь брошенному чужому малышу, потребовалось несколько лет.

На тот момент при Ленинградском педиатрическом институте была кафедра, которая выхаживала оставленных в роддоме грудничков с различными патологиями. Волей случая в этом учреждении работала близкая подруга Зои Михайловны – Федореева Александра Васильевна. История дружбы их семейств насчитывала к тому моменту без малого тридцать лет. Они вместе учились в институте. Ее муж Арсений Савельевич, военно-полевой хирург, когда-то оперировал Давида Васильевича после его ранения в финскую войну. В Великую Отечественную командовал санбатом. К несчастью, медицинскую палатку, в которой находился профессор Федореев вместе с другими врачами и ранеными, живьем сжег немецкий лазутчик.

Александра Васильевна заведовала в педиатрическом институте кафедрой гигиены. Рассказами о работе она исподволь подтолкнула Лию Давидовну познакомиться со своими подопечными – детьми-отказничками. Выбор пал на меня и еще одного мальчика. Мне повезло – парнишку-конкурента забрали на день раньше другие усыновители.

Будущие мама с бабушкой долгое время меня просто навещали. Приглядывались сами и давали возможность мне привыкнуть к ним. Я их целыми днями ждала и высматривала. Мама рассказывала: «Иду по улице и вижу, как в окне маячит твоя рыжая маленькая головка. Поднимаюсь по лестнице и в коридоре слышу истошные вопли: «Ко мне мама пришла! Скорее одевайте! Меня мама ждет!» После чего тебя, причесанную и нарядную, выводят ко мне навстречу. Ни один мускул на лице не выдает твою радость». Стеснялась. Мама терялась первое время, не зная, что со мной делать – только что слышала одно, и вдруг как подменили девочку. Я скромно здоровалась, потупив глаза, словно и не орала только что за дверью.

Летом кафедра вместе с яслями выезжала на дачу в Юмки. Там была весьма примечательная большая, круглая клумба. Когда мы гуляли с мамой, я мечтала оказаться на ее вершине, все примерялась, как бы это ловчее сделать. Моего роста хватало лишь на то, чтобы, подпрыгнув, мельком оглядеть ее поверхность. Вдруг я заметила там скомканный фантик – разноцветный! А мамуля его не видела и недоумевала, почему я, что-то лопоча на только мне понятном языке, нарезаю круги вокруг клумбы. Мне во что бы то ни стало приспичило достать этот фантик и рассмотреть поближе. А никак. Глаз видит, да зуб неймет. Мама спросила: «Светочка, тебе что-то нужно? Ты хочешь цветочек сорвать?» Я молчу и упорно выхаживаю по кругу в поисках доступа к цели. Тогда я еще не воспринимала маму, как человека, которого можно попросить обо всем на свете. И потом долго еще справлялась самостоятельно со своими маленькими детскими проблемами, не обращалась за помощью. Так и вошло в привычку.

Документы на мое удочерение оформили не сразу, потому что семья неполная. Мама пошла в райком партии, хотя и не была коммунисткой. Там на высокой должности работала дама, хорошо знавшая Давида Васильевича, который в свое время был членом бюро райкома. Все вопросы решились мгновенно одним росчерком пера. Так я вытянула свой первый в жизни счастливый билет – обрела семью. Семью Сургановых.

В тот день, когда меня забрали из ЛПМИ насовсем, мы с мамой привычно пошли на прогулку. Дойдя до места, где мы раньше поворачивали назад, мама не остановилась. Я удивленно вытянула свою руку из ее ладони – знала границу, до которой обычно гуляли. Стояла как вкопанная, а мама ласково увещевала: «Светочка, мы не пойдем назад, мы идем домой». Не сразу вняв уговорам, я тронулась с места, но очень неуверенно: шаг делаю – притормаживаю... «Идем, идем, Светочка, нам нужно успеть на тот трамвайчик».

Демаркационная линия была преодолена – во всех смыслах.

Мне было чуть меньше трех лет, когда я стала Светой Сургановой.

Я оказалась еще тем подарочком! В комплект входили: целиакия, анемия, ангина, задержка физического и психического развития. Словом, типичный отказничок, оставленный в роддоме без каких-либо перспектив. Скромный перечень разрешенных мне продуктов вклю-

чал в себя не более десяти наименований – не особо-то пощикуешь! Бабушка отвергла все ограничения, выбросила в мусорное ведро список диет, решив давать всего понемножку и наблюдать за реакцией моего организма. Единственным обязательным ежедневным пунктом моего меню оставалась греча. Через полгода меня было не узнать – опал вечно вздутый живот, появился румянец. Доктор Левина, наблюдавшая меня в поликлинике, встретив нас на улице, только руками всплеснула: «Неужели это наша Светочка?!»

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.